
Глава вторая

ХИМИЗМ

Химизм составляет во всей объективности в целом момент суждения — различия, ставшего объективным, и процесса. Так как он уже начинает с определенности и положенности и так как химический объект есть в то же время объективная целокупность, то дальнейшее его течение просто и вполне определено своей предпосылкой.

А. ХИМИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Химический объект отличается от механического тем, что последний есть целокупность, безразличная к определенности; природе же химического объекта свойственна *определенность* и, стало быть, *соотношение с другим*, а также способ этого соотношения. — В то же время эта определенность есть по существу своему *обособление*, т. е. она принята во всеобщность; как такая она *принцип — всеобщая определенность*, определенность не только *одного единичного объекта*, но и *другого*. Поэтому в химическом объекте его понятие как внутренняя целокупность обеих определеностей отличается теперь от той определенности, которая составляет природу единичного объекта как *внешне проявляющегося и существующего*. Будучи таким образом в себе всем понятием в целом, объект имеет в самом себе *необходимость* и *импульс* к тому, чтобы снять свое противоположное, *одностороннее существование* и сделать себя в наличном бытии тем *реальным целым*, которое он есть по своему понятию.

Относительно выражения «химизм» для [обозначения] отношения того различия объективности, которое здесь

выявилось, можно, впрочем, заметить, что его не следует здесь понимать так, будто это отношение проявляется только в той форме природы элементов, которая имеется так называемым химизмом в собственном смысле. Уже такое отношение, как атмосферные явления, должно рассматриваться в качестве процесса, причастники которого имеют больше природу физических, чем химических элементов. В живых существах под эту схему подпадает отношение полов, точно так же она составляет *формальную* основу духовных отношений — любви, дружбы и т. д.¹²⁰

При ближайшем рассмотрении [оказывается, что] химический объект как *самостоятельная* целокупность вообще есть прежде всего рефлектированный в себя объект, который поэтому отличен от своей рефлектированности вовне, — безразличное *основание*¹²¹, индивид, еще не определенный как различенный; личность также есть такое еще только с собой соотносящееся основание. Имманентная же определенность, которая составляет *различие* химического объекта, *во-первых*, рефлектирована в себя так, что это изъятие соотношения, направленного вовне, есть лишь формальная абстрактная всеобщность; таким образом, соотношение, направленное вовне, есть определение непосредственности и существования химического объекта. С этой стороны он не *в самом себе* возвращается в индивидуальную целокупность, и отрицательное единство имеет оба момента своей противоположности в двух *отдельных объектах*. Поэтому химический объект не может быть понят из него самого, и бытие одного объекта есть бытие другого. Но *во-вторых*, определенность абсолютно рефлектирована в себя и есть конкретный момент индивидуального понятия целого, а это понятие есть всеобщая сущность, *реальный род* отдельного объекта. Химический объект (а тем самым и противоречие между его непосредственной положенностью и его имманентным индивидуальным понятием) есть *стремление снять* определенность его наличного бытия и дать существование объективной целокупности понятия. Поэтому хотя он и есть *несамостоятельный* объект, но такой, что самой своей природой он приводится в напряженное состояние относительно этой несамостоятельности и, самоопределяясь, начинает *процесс*.

В. ПРОЦЕСС

1. [Химический] процесс начинается с предпосылки, что хотя объекты находятся в напряжении относительно самих себя, они именно поэтому находятся в напряжении прежде всего относительно друг друга; это отношение называется *их сродством*. Так как каждый объект по своему понятию находится в противоречии с собственной односторонностью своего существования и потому стремится снять ее, то здесь непосредственно положено стремление к тому, чтобы была снята односторонность другого объекта и этим взаимным уравниванием и соединением была положена реальность в соответствии с понятием, содержащим оба момента.

Так как каждый [из этих объектов]ложен как в самом себе противоречащий себе и снимающий себя, то лишь *внешнее насилие* удерживает их обособленными и друг от друга и от их взаимного дополнения. Середина, связывающая эти крайности (*Extreme*), — это, *во-первых, в-себе-сущая* природа обеих, все понятие в целом, держащее их внутри себя. Но, *во-вторых*, так как они в [своем] существовании противостоят друг другу, то их абсолютное единство также есть *отлично от них существующая*, еще формальная стихия, — стихия *передавания*, в которой они вступают во внешнюю *связь* друг с другом. Так как реальное различие свойственно крайним членам, то этот средний член есть лишь их абстрактная нейтральность, их реальная возможность, — как бы *теоретическая стихия* существования химических объектов, их процесса и его результата; в сфере телесного *вода* исполняет функции этой среды; в сфере духовного, поскольку в ней имеет место нечто аналогичное такому отношению, им следует считать *знак* вообще и, точнее, *язык*.

Отношение объектов [между собой] просто как способ передачи в этой стихии есть, с одной стороны, спокойное слияние, но, с другой стороны, в равной мере и *отрицательное отношение*, поскольку при передавании конкретное понятие, составляющее их природу, полагается в сферу реальности, и тем самым *реальные различия* объектов приводятся к его единству. Этим их прежняя самостоятельная *определенность* снимается в соединении, соответствующем понятию, которое в обоих одно и то

же, их противоположность и напряженность от этого ослабевают, вследствие чего стремление достигает в этом взаимном дополнении своей спокойной *нейтральности*.

Процесс таким образом угас; так как противоречие между понятием и реальностью теперь уравнено, то крайние члены умозаключения утратили свою противоположность и тем самым перестали быть крайними членами по отношению друг к другу и к среднему члену. *Продукт нейтрален*, т. е. его составные части, которые больше не могут быть названы объектами, уже утратили свою напряженность, а стало быть, и свойства, ранее присущие им как напряженным, но в нем сохранилась способность к их прежней самостоятельности и напряженности. А именно, отрицательное единство нейтрального [продукта] исходит из некоторого различия, выступающего как *предпосылка*; определенность химического объекта тождественна с его объективностью, она первоначальна. Рассмотренным процессом это различие снято еще только непосредственно; определенность поэтому еще не абсолютно рефлексирована в себя, стало быть, продукт процесса есть лишь формальное единство.

2. В этом продукте напряженность противоположности и отрицательное единство как деятельность процесса теперь, правда, угасли. Но так как это единство существенно для понятия и в то же время само достигло существования, то оно все еще имеется, однако *вне* нейтрального объекта. Процесс не возбуждается вновь сам собой, поскольку он имел различие лишь своей *предпосылкой*, а им самим оно не положено. — Эта самостоятельная отрицательность вне объекта, существование *абстрактной* единичности, для-себя-бытие которой имеет свою реальность в *неразличенном объекте*, теперь находится в напряжении внутри самой себя относительно своей абстрактности, есть беспокойная внутри себя деятельность, которая, расходя себя, обращается вовне. Она *непосредственно* соотносится с объектом, спокойная нейтральность которого есть реальная возможность ее противоположности; объект этот есть теперь *средний член нейтральности*, бывшей прежде чисто формальной, а теперь конкретной внутри себя и определенной.

Ближайшее непосредственное соотношение *отрицательного единства как крайнего члена* с объектом состоит в том, что объект определяется этим единством и

вследствие этого расщепляется. Это расщепление можно рассматривать прежде всего как восстановление той противоположности напряженных объектов, с которой начался химизм. Однако это определение не составляет другого крайнего члена умозаключения, а принадлежит к непосредственному соотношению различающего принципа с тем средним членом, в котором этот принцип дает себе свою непосредственную реальность; это та определенность, которой средний член дизъюнктивного умозаключения обладает еще помимо того, что он есть всеобщая природа предмета, и благодаря которой предмет есть и объективная всеобщность, и определенная особенность. Другой крайний член умозаключения противостоит внешнему самостоятельному *крайнему члену* — единичности; поэтому он столь же самостоятельный крайний член — всеобщность; поэтому расщепление, которому подвергается в нем реальная нейтральность среднего члена, состоит в том, что она разлагается не на взаимно различные, а на *неразличенные* моменты. Эти моменты суть тем самым, с одной стороны, абстрактное, безразличное *основание*, а с другой — его *одушевляющий* принцип¹²², который, отделяясь от основания, тоже приобретает форму безразличной объективности.

Это дизъюнктивное умозаключение есть целокупность химизма, в которой одно и то же объективное целое представлено сперва как самостоятельное *отрицательное* единство, затем — в среднем члене — как *реальное* единство, наконец, как химическая реальность, разложенная на свои *абстрактные* моменты. В этих моментах определенность достигла своей *рефлексии-в-себя* не в *чем-то ином*, как это имеет место в нейтральном объекте, а в себе возвратилась в свою абстрактность и есть *стихия* в ее *первоначальной определенности*.

3. Тем самым эти объекты-стихии освобождены от химической напряженности; в них реальным процессом была *положена* первоначальная основа той *предпосылки*, с которой химизм начался. А поскольку, далее, с одной стороны, внутренняя *определенность* этих объектов, как таковая, есть по существу своему противоречие между ее *простым устойчивым безразличием* и ею как *определенностью*, а также побуждение вовне, которое расщепляет себя и полагает напряженность в своем объекте и в некотором *другом*, *дабы иметь нечто такое*, к чему

объект мог бы относиться как различенный и в чем он мог бы нейтрализоваться и сообщить своей простой определенности налично сущую реальность, — поскольку химизм возвратился тем самым к своему началу, в котором взаимно напряженные объекты ищут друг друга, а затем соединяются в нечто нейтральное через формальный, внешний средний член. С другой стороны, химизм этим возвращением в свое *понятие* снимает себя и перешел в некоторую высшую сферу.

С. ПЕРЕХОД ХИМИЗМА

Уже обычная химия дает нам примеры таких химических изменений, при которых, например, то или другое тело сообщает одной части своей массы более высокую степень окисления и этим снижает окисление другой ее части до той степени, при которой данное тело только и может вступить в нейтральное соединение с придвигаемым к нему другим отличным от него телом, что было бы невозможно при сохранении его первой, непосредственной степени окисления. Здесь происходит следующее: объект соотносится с другим объектом не на основе непосредственной, односторонней определенности, а на основе внутренней целокупности некоторого первоначального *отношения* *полагает предпосылку*, необходимую ему, чтобы вступить в реальное отношение, и тем самым дает себе средний член, которым он связывает свое понятие со своей реальностью; он есть в себе и для себя определенная единичность, конкретное понятие как принцип *разделения* на *крайние члены, воссоединение* которых есть деятельность *того же самого отрицательного принципа*, который благодаря этому возвращается к своему первому определению, но уже как *объективированный*.

Сам химизм есть *первое отрицание безразличной объективности и внешней определенности*; следовательно, он еще отягощен непосредственной самостоятельностью объекта и внешней проявленностью. Поэтому он сам по себе еще не есть та целокупность самоопределения, которая проистекает из него и в которой он скорее снимает себя. — Полученные три умозаключения составляют его целокупность; первое умозаключение имеет средним членом формальную нейтральность, а крайни-

ми — напряженные объекты; второе имеет средним членом продукт первого, реальную нейтральность, а крайними — расцепляющую деятельность и ее продукт, безразличную стихию; третье — это реализующее себя понятие, полагающее для себя ту предпосылку, которой обусловлен процесс его реализации, — умозаключение, имеющее своей сущностью всеобщее. Поскольку определение химической объективности — быть непосредственной и внешне проявляться, эти умозаключения все еще оказываются вне друг друга. Первый процесс, продукт которого — нейтральность напряженных объектов, угасает в своем продукте, и его вновь возбуждает лишь приводящее извне дифференцирование; будучи обусловлен непосредственной предпосылкой, он ею и исчерпывается. Точно так же выделение различных крайних членов из нейтрального [продукта], а равно и их разложение на их абстрактные стихии должно исходить от приводящих извне условий и возбуждений к деятельности. Но так как и оба существенных момента процесса — с одной стороны, нейтрализация, а, с другой — отделение и редукция, — связаны одним и тем же процессом, а соединение и ослабление напряженных крайних членов есть также и разделение на таковые, то эти моменты в силу внешней проявленности, еще лежащей в основании, составляют две разные стороны; крайние члены, выделяемые в этом же процессе, — это не те объекты или материи, которые соединяются в нем; поскольку первые выходят из этого процесса вновь различными, они должны обращаться вовне; их новая нейтрализация есть другой процесс, нежели та нейтрализация, которая имела место в первом процессе.

Но эти разные процессы, оказавшиеся необходимыми, составляют столько же ступеней, проходя через которые снимаются внешняя проявленность и обусловленность, вследствие чего понятие выступает как определенная в себе и для себя и не обусловленная внешней проявленностью целокупность. В первом процессе перестают внешне проявляться составляющие всю реальность, различные друг от друга крайние члены, иначе говоря, снимается разность между в себе сущим определенным понятием и его налично сущей определенностью. Во втором процессе перестает внешне проявляться реальное единство, снимается соединение как чисто нейтральное.

Говоря точнее, формальная деятельность снимает себя сначала в столь же формальных [химических] основаниях или неразличенных определенностях, *внутреннее понятие* которых есть теперь возвратившаяся в себя, абсолютная деятельность как реализующаяся в самой себе, т. е. как деятельность, *полагающая* внутри себя определенные различия и конституирующаяся как реальное единство благодаря этому *опосредствованию*, — опосредствованию, которое, стало быть, есть *собственное опосредствование* понятия, его самоопределение и которое касательно рефлектированности понятия в себя из этого опосредствования есть имманентное *предполагание*. Третье умозаключение, которое, с одной стороны, есть восстановление предшествующих процессов, снимает, с другой стороны, еще и последний момент *безразличных* [химических] оснований, — снимает совершенно абстрактную *внешнюю непосредственность*, которая таким образом становится *собственным моментом* опосредствования понятия самим собой. Понятие, которое тем самым сняло все моменты своего объективного наличного бытия как внешние и которым они положены в его простое единство, благодаря этому полностью освободилось от объективной внешности, с которой оно уже соотносится лишь как с несущественной реальностью; это объективное свободное понятие есть *цель*.

Глава третья ТЕЛЕОЛОГИЯ

Там, где усматривается целесообразность, источником ее признают некий *рассудок*; для цели, следовательно, требуют собственного, свободного существования понятия. Телеологию противопоставляют прежде всего *механизму*, в котором положенная в объекте определенность есть как внешняя по существу своему такая определенность, в которой не обнаруживается никакого *самоопределения*. Противоположность между *causis effici-entibus* и *causis finalibus* — между только *действующими* и *конечными причинами* — относится к указанному различию, к которому, взятому в конкретной форме, сводится также и исследование того, понимать ли абсолютную сущность мира как слепой природный механизм или как рассудок, определяющий себя согласно целям. Антиномия *фатализма* (вместе с *детерминизмом*) и *свободы* равным образом касается противоположности между механизмом и телеологией, ибо свободное есть понятие в своем существовании.

Прежняя метафизика обращалась с этими понятиями так же, как и со своими другими понятиями: с одной стороны, она предполагала некоторое представление о мире и старалась показать, что то или иное понятие ему соответствует, а противоположное понятие неудовлетворительно, так как это представление нельзя объяснить из него; с другой стороны, она не исследовала при этом, какое понятие истинно *само по себе* — механической причины или цели. Если само это установлено, то пустьективный мир является нам механические и конечные причины; их существование не есть мерило истины, а ско-

рее истина есть критерий того, какое из этих существований есть истинное существование мира. Подобно тому как субъективный рассудок обнаруживает в самом себе и заблуждения, так и объективный мир показывает и те стороны и ступени истины, которые, взятые сами по себе, лишь односторонни, неполны и суть только отношения в сфере явлений. Если механизм и целесообразность противостоят друг другу, то именно поэтому их нельзя брать как *равнодушные* друг к другу, каждое из которых отдельно как будто есть правильное понятие и так же ценно, как и другое, так что весь вопрос только в том, где можно применять то или другое. Эта их равнозначность основана только на том, что и то и другое *есть*, а именно на том, что мы *имеем* их оба. Но так как они противоположны, то необходимый первый вопрос — какое из них есть истинное понятие, а более важный подлинный вопрос — это вопрос о том, *не есть ли нечто третье их истина или не есть ли одно из них истина другого*. — Но *отношение цели* оказалось истиной *механизма*. — То, что представилось как *химизм*, связано с *механизмом* постольку, поскольку цель есть понятие в своем свободном существовании и ей вообще противостоит несвобода понятия, его погруженность во внешнее; таким образом, и то и другое — и механизм, и химизм — одинаково рассматриваются как необходимость природы, так как в механизме понятие не существует в объекте, потому что объект этот как механический не содержит самоопределения, а в химизме понятие или обладает напряженным, односторонним существованием, или (поскольку оно выступает как единство, создающее в центральном объекте напряженность и расщепляющее его на крайние члены), снимая эту раздельность, внешне самому себе.

Чем больше телескопический принцип связывался с понятием некоего *внешнего* рассудка и потому находился под покровительством благочестия, тем в большей мере он, казалось, удалялся от истинного исследования природы, которое стремится познать свойства природы не как чужеродные, а как *имманентные определенности* и признает лишь такое познание *постижением в понятиях*. Так как цель есть само понятие в своем существовании, то может показаться странным, что познание объектов из их понятия представляется скорее неправомерным

переходом в некоторую *чужеродную* стихию, а механизм, для которого определенность объекта дана как определенность,ложенная в нем извне и чем-то иным, считается более *имманентным* воззрением, чем телеология. Механизм, по крайней мере обычный, несвободный, равно как и химизм, действительно должен рассматриваться как имманентный принцип постольку, поскольку определяющее *внешнее* само в свою очередь есть лишь такого рода объект, нечто внешне определенное и безразличное к такой определимости, или, если иметь в виду химизм, поскольку другой объект есть равным образом химически определенный и вообще поскольку тот или иной существенный момент целокупности всегда находится в чем-то внешнем. Эти принципы остаются поэтому в пределах одной и той же природной формы конечности; но хотя они не желают выходить за пределы конечного и для [объяснения] явлений приводят лишь к конечным причинам, которые сами требуют идти все дальше и дальше, они, однако, в то же время расширяются, с одной стороны, до формальной целокупности в понятиях силы, причины и тому подобных рефлексивных определениях, которые должны выражать собой *первоначальность*, с другой стороны, через абстрактную *всебытьность* — до некоторой *совокупности сил* (*All der Kräfte*), до некоторого *целого* взаимных причин. Механизм проявляет себя как стремление к целокупности тем, что он старается понять природу *самое по себе* как нечто *целое*, не требующее для *своего* понятия ничего иного, — целокупность, которой нет в цели и в связанном с ней внemиром рассудке¹²³.

Целесообразность проявляется прежде всего как нечто *высшее* вообще, как *рассудок*, *внешним* образом определяющий многообразие объектов через некоторое в себе и для себя *сущее единство*, так что безразличные определенности объектов становятся благодаря этому отношению *существенными*. В механизме они становятся таковыми благодаря *одной лишь форме необходимости*, причем их *содержание* безразлично, ибо они должны оставаться *внешними*, и только рассудок, как таковой, должен чувствовать удовлетворение, познавая присущую ему связь — абстрактное тождество. Напротив, в телеологии содержание становится важным, так как она предполагает некоторое понятие, нечто в себе и для себя

определенное и, стало быть, самоопределяющее, следовательно, от *соотношения* различий и их взаимной определенности (*Bestimmtsein*), от *формы* она отличила *рефлектированное в себя единство, нечто в себе и для себя определенное*, стало быть, *некоторое содержание*. Но если содержание к тому же *конечно и ничтожно*, то оно противоречит тому, чем оно должно быть, ведь цель по своей форме есть бесконечная внутри себя целокупность, в особенности если признают, что целенаправленная деятельность есть *абсолютная воля* и *абсолютный рассудок*. Телеология потому навлекла на себя столько упреков в несообразности, что цели, которые она указывала, то более значительны, то более ничтожны — как попадется, и касающееся целей отношение между объектами потому столь часто должно было казаться пустой забавой, что это отношение являет себя столь внешним и потому случайным. Напротив, механизм оставляет за определенностями объектов по их содержанию свойственное им значение случайных определенностей, к которым объект безразличен и которые не должны быть более значимы ни для объектов, ни для субъективного рассуждения. Вот почему этот принцип, связывая собой внешнюю необходимость, дает сознание бесконечной свободы по сравнению с телеологией, выставляющей все незначительное и даже презренное в своем содержании как нечто абсолютное, в котором более общая мысль может чувствовать себя лишь бесконечно стесненной и даже испытывать отвращение¹²⁴.

Формальная невыгодность позиции, которую занимает эта телеология, заключается прежде всего в том, что она доходит лишь до *внешней целесообразности*. Так как понятие тем самым положено как нечто формальное, то содержание есть для телеологии и нечто данное ему внешним образом в многообразии объективного мира, — данное именно в тех определенностях, которые составляют также содержание механизма, но как нечто внешнее, случайное. Ввиду этой общности [содержания] единственно лишь *форма целесообразности*, взятая сама по себе, и составляет суть всего телеологического. В этом отношении и не принимая во внимание различия между внешней и внутренней целесообразностью, отношение цели вообще оказалось в себе и для себя истиной механизма. — Телеология вообще обладает более высоким

принципом — понятием в своем существовании, каковое понятие в себе и для себя есть бесконечное и абсолютное, — принцип свободы, который, совершенно уверенный в своем самоопределении, абсолютно лишен присущей механизму *внешней определяемости*.

Одна из великих заслуг Канта перед философией состоит в различении им относительной, или *внешней*, и *внутренней* целесообразности; в последней он раскрыл понятие *жизни, идею* и этим сделал положительно то, что критика разума делает лишь несовершенно, весьма превратно и лишь *отрицательно*, — а именно возвысил философию над рефлексивными определениями и релятивным миром метафизики. — Раньше уже было указано, что противоположность междуteleologией и механизмом — это прежде всего более общая противоположность между *свободой* и *необходимостью*. В такой форме Кант представил эту противоположность как одну из *антиномий* разума, а именно как *третье противоречие трансцендентальных идей*. — Я изложу его взгляд, которого я уже касался выше, совершенно кратко, так как существенное в нем столь просто, что не нуждается в пространном разъяснении, а характер кантовских антиномий мы уже осветили более подробно в другом месте¹²⁵.

Тезис антиномии, подлежащей здесь рассмотрению, гласит: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность (Kausalität durch Freiheit)».

Антитезис: «Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы»¹²⁶.

Доказательство, как и в прочих антиномиях, ведется, во-первых, апагогически: допускается противное каждому тезису; во-вторых, чтобы показать противоречивость этого допущения, принимается и предполагается правильным противоположное этому допущению, т. е. положение, подлежащее доказательству. Можно было поэтому обойтись без всего этого окольного пути доказывания; доказательство состоит не в чем другом, как в асерторическом утверждении обоих противостоящих друг другу положений.

А именно, для доказательства *тезиса* нам предлагают сперва допустить следующее: *нет никакой другой при-*

чинности, кроме причинности по законам природы, т. е. по механической необходимости вообще, включая сюда и химизм. Это положение противоречит себе потому, что закон природы состоит именно в том, что ничто не происходит без достаточно определенной a priori причины, в которой, стало быть, содержится абсолютная спонтанность; другими словами, допущение, противоположное тезису, противоречиво потому, что оно противоречит тезису.

Для доказательства антитезиса предлагается сделать следующее допущение: существует свобода как особый вид причинности — свобода безусловно начинать некоторое состояние, а стало быть, и ряд следствий его. Но так как такое начало предполагает состояние, не имеющее никакой причинной связи с предшествующим состоянием той же самой причины, то оно противоречит закону причинности, только согласно которому и возможно единство опыта и вообще опыт; другими словами, допущение свободы, противоречащее антитезису, невозможно потому, что оно противоречит антитезису.

По существу та же самая антиномия встречается снова в «Критикеteleологической способности суждения» как противоположность [между утверждением], что «всякое возникновение материальных вещей возможно только по механическим законам», и утверждением, что «некоторые порождения их невозможны по таким законам»¹²⁷. — Кантово разрешение этой антиномии таково же, как общее разрешение [им] прочих антиномий; а именно, разум не может доказать ни того, ни другого положения, так как у нас не может быть априорного определяющего принципа относительно возможности вещей только по эмпирическим законам природы; далее, оба положения следует поэтому рассматривать не как объективные положения, а как субъективные максимы: я, с одной стороны, должен всегда размышлять о всех событиях природы согласно принципу одного лишь механизма природы, но это не мешает мне в подходящих случаях исследовать некоторые формы природы по другой максиме, а именно по принципу конечных причин, — как будто эти две максимы (они, впрочем, по мнению Канта, необходимы только для человеческого разума) не столь же противоположны друг другу, как указанные выше положения. — Как уже было отмечено, [Кант], придержи-

ваясь полностью этой точки зрения, не исследует того, чего единственно и требует философский интерес, а именно какой из этих двух принципов истины сам по себе. Для этой точки зрения нет никакой разницы, рассматриваются ли принципы как *объективные* (это значит здесь: внешне существующие определения природы) или только как *максимы субъективного познания*. Скорее это — субъективное, т. е. случайное, познание, применившее ту или другую максиму в *подходящих случаях*, т. е. в зависимости от того, какую из них оно находит подобающей для данных объектов, вообще же оно не спрашивает об *истинности* самих этих определений — суть ли они оба определения объектов или определения познания.

Поэтому, как бы неудовлетворителен ни был кантовский анализ телесного принципа с точки зрения существа дела, во всяком случае достойно внимания то, какое место Кант отводит этому принципу. Приписывая его *рефлектирующей способности суждения*, Кант делает его *связующим звеном* между *всеобщностью разума* и *единичностью созерцания*. Далее он различает эту *рефлектирующую способность* суждения от *определяющей*, которая лишь *подводит* особенное под всеобщее. Такое всеобщее, под которое только *подводится* [единичность], есть нечто *абстрактное*, становящееся *конкретным* лишь в чем-то *иное*, в особенном. Напротив, цель есть *конкретное всеобщее*, имеющее в самом себе момент особенности и внешней проявленности; оно поэтому деятельно и есть побуждение отталкивать себя от самого себя. Понятие как цель есть, конечно, *объективное суждение*, в котором одним определением служит субъект, а именно конкретное понятие, как определенное само через себя, а другим определением — не только предикат, но и внешняя объективность. Однако отсюда не вытекает, что отношение цели есть *рефлектирующий* акт суждения, который рассматривает внешние объекты лишь с точки зрения единства, *как будто* какой-то рассудок дал это отношение *для нашей познавательной способности*; нет, это отношение есть в себе и для себя *сущее истинное*, которое судит *объективно* и абсолютно определяет внешнюю объективность. Отношение цели есть в силу этого нечто большее, чем *суждение*, оно *умозаключение* само-

стоятельного, свободного понятия, связывающего себя с самим собой через объективность.

Цель оказалась *третьим* по отношению к механизму и химизму; она их истина. Находясь еще внутри сферы объективности или непосредственности целокупного понятия, она еще испытывает воздействие внешнего, как такового, и ей противостоит объективный мир, с которым она соотносится¹²⁸. С этой стороны при *отношении цели* (которое есть *внешнее отношение*) все еще выступает механическая причинность, к которой в общем следует причислить и химизм, но выступает как *подчиненная этому отношению*, как сама по себе снятая. При ближайшем рассмотрении этого отношения оказывается, что механическому объекту как непосредственной целокупности безразлично, быть определяемым или чем-то определяющим. Эта внешняя определенность теперь развилась до самоопределения и тем самым *положено понятие*, в объекте лишь *внутреннее* или, что то же самое, лишь *внешнее*; цель есть прежде всего именно само это внешнее для механического объекта понятие. Таким же образом и для химизма цель есть то самоопределяющее, которое возвращает к единству понятия внешнюю определяемость, обуславливающую химизм. — Отсюда явствует, какова природа подчинения обеих предыдущих форм объективного процесса; то иное, что в них выступало в виде прогресса в бесконечность, есть понятие, положенное вначале как внешнее для них; оно и есть цель; не только понятие есть их субстанция, но и внешняя проявленность есть существенный для них момент, составляющий их определенность. Таким образом, механическая или химическая техника, будучи по своему характеру определенной извне, сама собой предлагает себя отношению цели, которое мы теперь и должны рассмотреть подробнее.

A. СУБЪЕКТИВНАЯ ЦЕЛЬ

В *центричности* объективной сферы, которая есть безразличие к определенности, *субъективным* понятием вновь обретена и положена прежде всего *отрицательная объединяющая точка*, в химизме же — объективность *определений понятия*, только благодаря которой оно и положено как *конкретное объективное понятие*. Его оп-

ределённость или его простое различие имёт теперь в нем самом *определенность внешнего*, и его простое единство есть поэтому единство, которое отталкивается от самого себя и тем самым сохраняется. Цель есть поэтому субъективное понятие как существенное стремление и побуждение к внешнему самополаганию. Она при этом избавлена от перехода [в иное]. Она не сила, которая проявляет себя, и не субстанция и причина, обнаруживающая себя в акциденциях и действиях. Сила — это лишь нечто абстрактно внутреннее, пока она себя не проявила, иначе говоря, она обладает наличным бытием лишь в своем проявлении, к которому она должна быть побуждена. Точно так же причина и субстанция: так как они имеют действительность лишь в акциденциях и в действии, то их деятельность есть переход [в нечто иное], перед лицом которого они не сохраняют своей свободы. Правда, цель тоже может быть определена как сила и причина, однако эти выражения отражают ее значение лишь неполно. Если применять их для обозначения цели согласно ее истине, то они могут это выполнять лишь способом, снимающим их понятие: цель будет тогда силой, которая сама себя побуждает к самопроявлению, будет причиной, которая есть причина самой себя или действие которой есть непосредственно причина.

Если целесообразное приписывается, как указывалось выше, некоторому *рассудку*, то при этом внимание обращается на *определенность содержания*. Но это содержание следует брать вообще как *разумное в своем существовании*. Оно потому обнаруживает *разумность*, что оно конкретное понятие, сохраняющее *объективное различие в своем абсолютном единстве*. Вот почему оно по существу своему *умозаключение* в самом себе. Оно равное себе *всеобщее*, а именно (как содержащее отталкивающую себя от себя отрицательность) прежде всего всеобщая и потому еще *неопределенная деятельность*; но так как эта деятельность есть отрицательное соотношение с самой собой, то она непосредственно *определяет* себя и сообщает себе момент *особенности*, которая как равным образом *рефлексированная в себя целокупность формы есть содержание в противоположность положенным различиям формы*. Столь же непосредственно эта отрицательность есть благодаря своему соотношению с самой собой абсолютная рефлексия формы в себе и *еди-*

ничность. С одной стороны, эта рефлексия есть *внутренняя всеобщность субъекта*, но, с другой — она *рефлексия вовне*, и поскольку цель еще субъективна и ее деятельность направлена на внешнюю объективность.

А именно, цель есть понятие, к самому себе возвращающееся в объективности; определенность, которую цель сообщила себе в объективности, есть определенность *объективного безразличия* и чего-то *внешнего* для того, что определено; поэтому ее отталкивающая себя от себя отрицательность такова, что моменты ее, будучи лишь определениями самого понятия, имеют также форму объективного безразличия друг к другу. — Уже в формальном *суждении субъект и предикат* определены как самостоятельные по отношению друг к другу; но их самостоятельность еще только абстрактная всеобщность; теперь же она достигла определения *объективности*; но как момент понятия эта доведенная до конца разность включена в простое единство понятия. А поскольку цель есть эта целокупная рефлексия объективности *в себя*, и притом *непосредственно*, то, *во-первых*, самоопределение или особенность как *простая рефлексия в себя* отлична от *конкретной* формы и есть *определенное содержание*. По этому содержанию цель *конечна*, хотя по своей форме она бесконечная субъективность. Во-вторых, так как определенность цели имеет форму объективного безразличия, то эта определенность имеет вид некоторой *предпосылки*, и конечность цели состоит с этой стороны в том, что она имеет перед собой *объективный* — механический и химический — *мир*, к которому ее деятельность относится как к чему-то *наличному*; таким образом, ее самоопределяющая деятельность в своей тождественности непосредственно *внешня самой себе* и настолько же есть рефлексия в себя, насколько и рефлексия вовне. Как такая, цель еще имеет поистине *внemировое* существование, а именно поскольку ей противостоит указанная выше объективность, так же как объективность противостоит цели как механическое и химическое целое, еще не определенное целью и не проникнутое ею.

Поэтому можно теперь движение цели выразить следующим образом: оно направлено к снятию ее *предпосылки*, т. е. непосредственности объекта, и к *положению* объекта как определенного понятием. Это отрицательное отношение к объекту есть столь же отрицательное отно-

шение к себе, есть снятие субъективной цели. Как нечто положительное это отношение есть реализация цели, а именно соединение с ней объективного бытия, так что это бытие, которое как один из моментов цели есть непосредственно тождественная с ней определенность, дано как внешняя определенность и, наоборот, объективное как предпосылка скорее полагается как определенное понятием. — Цель есть внутри самой себя побуждение к своей реализации; определенность моментов понятия внешне проявлена; но простота этих моментов в единстве понятия не соответствует тому, что она есть, и поэтому понятие отталкивает себя от самого себя. Это отталкивание есть вообще *разрешение* (*Entschluss*) соотношения отрицательного единства с собой, в силу чего здесь имеется исключающая единичность; но через такое исключение (*Ausschliessen*) оно разрешается (*entschliesst sie sich*) или раскрывается (*schliesst sich auf*), так как налицо самоопределение, полагание самого себя. С одной стороны, субъективность, определяя себя, делает себя особенностью, дает себе содержание, которое, будучи включенным в единство понятия, есть еще внутреннее содержание; но, [с другой стороны], это полагание, простая рефлексия в себя, есть, как выяснилось, в то же время непосредственно предполагание; и в том же моменте, в котором субъект цели определяет себя, он соотнесен с безразличной, внешней объективностью, которая должна быть сделана им равной той внутренней определенности, т. е. должна быть положена как нечто определенное понятием, прежде всего как средство.

В. СРЕДСТВО

В сфере цели первое, непосредственное полагание есть в то же время полагание чего-то *внутреннего*, т. е. чего-то определенного как *положенное*, и в то же время предполагание некоторого объективного мира, безразличного к определению цели. Но субъективность цели есть *абсолютное отрицательное единство*; поэтому второй акт ее определения есть снятие этого предполагания вообще; это снятие есть тем самым *возвращение в себя*, поскольку этим снимается указанный выше момент *первого отрицания*, полагание отрицательного по отношению к субъекту, полагание внешнего объекта. Однако по отношению

к предпосылке или к непосредственности акта определения, по отношению к объективному миру снятие есть еще только *первое*, само непосредственное и потому внешнее отрицание. Вот почему это положение еще не есть сама осуществленная цель, а есть лишь ее *начало*. Лишь определенный таким образом объект есть *средство*.

Цель связывает себя через средство с объективностью, а в объективности — с самой собой. Средство есть средний член умозаключения. Для своего осуществления цель нуждается в средстве, так как она конечна; нуждается в средстве, т. е. в среднем члене, который в то же время имеет вид *внешнего* наличного бытия, безразличного к самой цели и к ее осуществлению. Абсолютное понятие имеет опосредование внутри самого себя таким образом, что первое положение этого понятия не есть такое предполагание, основным определением объекта которого было бы безразличное внешнее; нет, мир как творение имеет лишь форму такого внешнего, основное же определение его состоит скорее в его отрицательности и положенности. — Конечность цели состоит поэтому в том, что акт ее определения вообще внешен самому себе и, стало быть, первый акт ее определения, как мы видели, распадается на положение и предполагание; поэтому *отрицание* этого акта определения также лишь с одной стороны есть уже рефлексия в себя, с другой же стороны оно скорее лишь *первое* отрицание; иначе говоря, рефлексия-в-себя сама также внешня себе и есть рефлексия вовне.

Средство есть поэтому *формальный* средний член *формального* умозаключения; оно нечто *внешнее* по отношению к [первому] *крайнему* члену — к субъективной цели, а потому и по отношению ко [второму] крайнему — к объективной цели, подобно тому как особенность в формальном умозаключении есть безразличный *medius terminus*, заменимый и другими [средними членами]. Далее, так же как особенность есть средний член вследствие того, что она по отношению к одному крайнему члену есть определенность, по отношению же к другому крайнему члену — всеобщее и, следовательно, ее опосредствующее определение есть лишь соотносительное определение, через другие определения, так и средство есть опосредствующий средний член лишь потому, что, во-первых, оно непосредственный объект и что, во-вторых, оно

средство через *внешнее* ему соотношение с тем крайним членом — с целью; это соотношение есть для средства безразличная форма.

Поэтому понятие и объективность связаны в средстве лишь внешне; постольку средство есть чисто *механический объект*. Соотношение объекта с целью есть посылка, иначе говоря, то непосредственное соотношение, которое, как было указано, с точки зрения цели есть *рефлексия в само себя*; средство есть присущий [цели] предикат; его объективность подведена под определение цели, которое в силу своей конкретности есть всеобщность. Через это имеющееся в средстве определение цели под средство в то же время подведен другой крайний член — вначале еще неопределенная объективность. — Наоборот, средство как *непосредственная объективность* обладает по отношению к субъективной цели *всеобщностью наличного бытия*, которого субъективная единичность цели еще лишена. — Таким образом, цель, будучи прежде всего лишь внешней определенностью по отношению к средству, сама выступает как отрицательное единство вне средства, подобно тому как средство есть механический объект, содержащий в самом себе цель лишь как некоторую определенность, а не как простую конкретность целокупности. Но как нечто связующее средний член сам должен быть целокупностью цели. Выше обнаружилось, что в средстве определение цели есть в то же время рефлексия в само себя; постольку это определение есть *формальное* соотношение с собой, так как *определенность* как *реальное безразличие* положена как *объективность* средства. Но именно потому эта, с одной стороны, чистая субъективность есть в то же время и *деятельность*. — В субъективной цели отрицательное соотношение с самой собой еще тождественно с определенностью, как таковой, с содержанием и внешней проявленностью. Но в начинающемся объективировании цели, в иностановлении простого понятия указанные моменты отделяются друг от друга или, наоборот, именно в этом отделении и состоит это иностановление, или сама внешняя проявленность.

Весь этот средний член, стало быть, сам есть целокупность умозаключения, в котором абстрактная деятельность и внешнее средство составляют крайние члены, а определенность объекта целью, в силу которой он сред-

ство, — их средний член. — Но, далее, *всеобщность* есть соотношение целенаправленной деятельности и средства. Средство есть объект, есть *в себе целокупность* понятия; оно не в силах сопротивляться цели в отличие от того, как оно сопротивляется любому другому непосредственному объекту. Поэтому средство всецело проницаемо для цели (которая есть положенное понятие) и восприимчиво к тому, чтó ему здесь передается, так как *в себе* оно тождественно с целью. Но теперь оно также *положено* как то, чтó проницаемо для понятия, ибо в центричности оно нечто стремящееся к отрицательному единству; равным образом и в химизме оно — и как нечто нейтральное, и как нечто различенное — стало чем-то несамостоятельный. — Его несамостоятельность состоит именно в том, что оно лишь *в себе* есть целокупность понятия; понятие же есть для-себя-бытие. Поэтому характерная черта объекта в отношении цели — быть бессильным перед ней и служить ей; она его субъективность или душа, которая имеет в нем свою внешнюю сторону.

Объект, *непосредственно* подчиненный таким образом цели, не есть один из крайних членов умозаключения; нет, это отношение составляет одну из посылок умозаключения. Но с какой-то стороны средство еще самостоительно по отношению к цели. Объективность, связанная в средстве с целью, ввиду того, что она связана с ней лишь непосредственно, еще внешня для цели, и потому *предпосылка* еще имеется налицо. Поэтому деятельность цели через средство еще направлена против этой предпосылки, и цель есть деятельность (а уже не только побуждение и стремление) именно постольку, поскольку в средстве момент объективностиложен в своей определенности как нечто внешнее, и простое единство понятия имеет ее теперь в самом себе *как таковую*.

С. ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ ЦЕЛЬ

1. В своем соотношении со средством цель уже рефлексирована в себя; но ее *объективное* возвращение в себя еще не положено. Деятельность цели через свое средство еще направлена против объективности как первоначальной предпосылки, и заключается эта деятельность именно в том, чтобы быть безразличной к определенности. Если бы деятельность состояла опять-таки

лишь в том, чтобы определять непосредственную объективность, то продукт был бы в свою очередь лишь средством, и так далее до бесконечности; в результате получилось бы только целесообразное средство, а не объективность самой цели. Поэтому действующая через свое средство цель должна определять непосредственный объект не как нечто *внешнее*; этот объект, стало быть, должен сам через себя слиться в единство понятия, иначе говоря, указанная выше внешняя деятельность цели через ее средство должна определить себя как *опосредствование и снять самое себя*.

Соотношение деятельности цели с внешним объектом через средство есть прежде всего *вторая посылка умозаключения — непосредственное соотношение среднего члена с другим крайним членом*. Это соотношение *непосредственно* потому, что средний член имеет в самом себе внешний объект, а другой крайний член есть точно такой же объект. Средство воздействует на него и властно над ним, потому что его объект связан с самоопределяющейся деятельностью, между тем как для этого объекта присущая ему непосредственная определенность безразлична. В этом соотношении протекающий здесь процесс есть не более как механический или химический процесс; в этом объективно внешнем выступают предшествующие отношения, но под властью цели. — Однако эти процессы, как оказалось при их рассмотрении, сами собой возвращаются в цель. Следовательно, если вначале соотношение средства с обрабатываемым внешним объектом непосредственно, то оно уже ранее выступило как умозаключение, поскольку цель оказалась истинным средним членом и единством этого соотношения. Таким образом, так как средство есть объект, находящийся на стороне цели и содержащий ее деятельность, то наличествующий здесь механизм есть в то же время возвращение объективности в самое себя, в понятие, которое, однако, уже предположено как цель; отрицательное отношение целесообразной деятельности к объекту тем самым есть не *внешнее* отношение, а изменение и переход объективности в самой себе в цель.

То, что цель непосредственно соотносится с объектом и делает его средством, равно как и то, что она через него определяет другой объект, можно рассматривать как *насилие*, поскольку цель представляется имеющей совер-

шенно другую природу, чем объект, и оба объекта также суть самостоятельные по отношению друг к другу целокупности. А то, что цель ставит себя в *опосредствованное* соотношение с объектом и *вставляет между собой* и им другой объект, можно рассматривать как *хитрость* разума. Конечность разумности заключает в себе, как уже было отмечено, тот момент, что цель имеет дело с предпосылкой, т. е. с объектом как чем-то внешним. В *непосредственном соотношении* с объектом она сама вступила бы в сферу механизма или химизма и тем самым было бы подвергнуто случайности и гибели ее определение — быть в себе и для себя сущим понятием. А как такая, цель выставляет объект как средство, заставляет его вместо себя изнурять себя внешней работой, обрекает его на истощение и, заслоняя им себя, сохраняет себя от механического насилия.

Далее, будучи конечной, цель имеет конечное содержание; тем самым она не нечто абсолютное, иначе говоря, не есть нечто совершенно в себе и для себя *разумное*. Средство же есть внешний средний член умозаключения — осуществления цели; поэтому разумность [цели] проявляется себя в средстве как разумность, сохраняющая себя в этом *внешнем ином* и как раз *через* это внешнее. Постольку средство выше, чем конечные цели *внешней* целесообразности; плуг нечто более достойное, нежели непосредственно те выгоды, которые доставляются им и служат целями. Орудие сохраняется, между тем как непосредственные выгоды прходящи и забываются. Помощью своих орудий человек властвует над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей¹²⁹.

Но цель не только находится вне механического процесса, но и сохраняется в нем и есть его определение. Как понятие, которое существует свободно по отношению к объекту и его процессу и которое есть самое себя определяющая деятельность, цель слиается в механизме лишь с самой собой, ибо она в такой же мере есть в себе и для себя сущая истина механизма. Власть цели над объектом есть это для себя сущее тождество, и ее деятельность есть проявление этого тождества. Как *содержание* цель есть в себе и для себя сущая *определенность*, которая в объекте дана как безразличная и внешняя; деятельность же цели есть, с одной стороны, истина процесса, а [с другой], как отрицательное единство — *снятие*

видимости чего-то внешнего. Именно как *абстракция* безразличная определенность объекта столь же *внешним* образом заменяется другой; но простая *абстракция* определенности есть в своей *истине* целокупность отрицательного, конкретное понятие, полагающее внешнее внутрь себя.

Содержание цели — это ее отрицательность как *простая рефлектированная в себя особенность*, отличная от ее целокупности как *формы*. Ввиду этой *простоты*, определенность которой есть в себе и для себя целокупность понятия, содержание выступает как то, что *остается тождественным* в реализации цели. Телеологический процесс есть *перевод* понятия, существующего отчетливо как понятие, в *объективность*; этот перевод в нечто иное, служащее предпосылкой, оказывается слиянием понятия с самим собой через само себя. Содержание цели и есть это тождество, существующее в форме тождественного. При всяком переходе понятие сохраняется; например, когда причина становится действием, причина сливается в действии лишь с самой собой; но в телеологическом переходе само понятие, как таковое, уже существует как *причина*, как абсолютное, *свободное* по отношению к объективности и ее внешней определимости, конкретное единство. Внешнее, в которое переводит себя цель, уже само, как мы видели, положено как момент понятия, как форма его различия внутри себя. Поэтому цель имеет во внешнем *свой собственный момент*; и содержание как содержание конкретного единства есть ее *простая форма*, которая в различных моментах цели — как субъективная цель, как средство и опосредствованная деятельность и как объективная цель — не только *в себе* остается равной себе, но и существует как то, что остается равным себе.

О телеологической деятельности можно поэтому сказать, что в ней конец есть начало, следствие — основание, действие — причина, что она становление уже ставшего, что в ней обретает существование только уже существующее и т. д., т. е. что вообще все определения отношения, которые принадлежат к сфере рефлексии или непосредственного бытия, утратили свои различия и что то, что высказывается как нечто иное — например конец, следствие, действие и т. д., — в самом отношении цели

уже не имеет определения чего-то иного, а скорее положено как тождественное с простым понятием.

2. При ближайшем рассмотрении продукта телеологической деятельности оказывается, что цель в нем лишь внешня, поскольку он абсолютная предпосылка по отношению к субъективной цели, а именно поскольку удовлетворяются тем, что целесообразная деятельность с помощью средства относится к объекту лишь механически и на место одной безразличной его определенности полагает другую, столь же внешнюю ему. Подобного рода определенность, которую цель сообщает объекту, отличается в общем от другой, чисто механической определенности тем, что первая есть момент *единства* и, стало быть, хотя она и внешня объекту, однако в самой себе не есть нечто чисто внешнее. Объект, обнаруживающий такое единство, есть целое, к которому его части — его собственная внешняя данность — безразличны; он определенное, конкретное единство, соединяющее внутри себя различные отношения и определенности. Это единство, которое не может быть постигнуто исходя из специфической природы объекта и определенное содержание которого отличается от свойственного объекту содержания, само по себе не есть механическая определенность, но в объекте оно еще механично. Как в этом продукте целесообразной деятельности содержание цели и содержание объекта внешни друг другу, точно так же относятся между собой и в других моментах умозаключения их определения: в связующем среднем члене — целесообразная деятельность и объект, служащий средством, а в субъективной цели (другом крайнем члене) — бесконечная форма, как целокупность понятия и его содержание. По тому соотношению, которое связывает субъективную цель с объективностью, одна посылка — соотношение объекта, определенного как средство, с внешним еще объектом, — так же как и другая, — соотношение субъективной цели с объектом, который делают средством, — суть непосредственные соотношения. Это умозаключение страдает поэтому недостатком формального умозаключения вообще: те соотношения, из которых оно состоит, сами не суть заключения или опосредствования, а скорее уже предполагают то заключение, средством получения которого они должны служить.

Если рассматривать одну *посылку*, — непосредственное соотношение субъективной цели с объектом, который в силу этого соотношения становится средством, то окажется, что цель не может соотноситься с объектом непосредственно; ведь объект есть нечто столь же непосредственное, как и тот служащий другим крайним членом объект, в котором цель должна быть осуществлена через *опосредствование*. Поскольку они таким образом положены как *разные*, между этой объективностью и субъективной целью должно быть вставлено средство, с помощью которого они соотносятся друг с другом; но это средство точно так же есть уже определенный целью объект, между объективностью которого и телеологическим определением необходимо вставить новое средство, и так далее до бесконечности. Тем самым положен бесконечный *прогресс опосредствования*. — То же самое имеет место и относительно другой посылки — соотношения средства с еще неопределенным объектом. Так как они совершенно самостоятельны, то они могут быть соединены лишь в чем-то третьем, и так далее до бесконечности. — Или, наоборот, так как посылки уже предполагают *заключение*, то *заключение*, каково оно через указанные лишь непосредственные посылки, может быть только несовершенным. *Заключение*, или *продукт целесообразной деятельности*, есть не что иное, как объект, определенный внешней ему целью, стало быть, *то же самое, чтò и средство*. Поэтому в самом таком продукте получилось лишь *средство*, а не *осуществленная цель*; иначе говоря, цель на самом деле не достигла в нем никакой объективности. — Поэтому совершенно безразлично, рассматривают ли определенный внешней целью объект как осуществленную цель или только как средство; это — соотносительное, самому объекту внешнее, необъективное определение. Следовательно, все объекты, в которых осуществляется внешняя цель, суть в такой же мере лишь средства к цели. То, что должно быть употреблено для осуществления той или иной цели и что по существу своему должно считаться средством, есть средство, назначение которого — быть израсходованным. Но и объект, который должен содержать осуществленную цель и выступать как ее объективность, тоже проходящ; он точно так же осуществляет свою цель не через спокойное, самосохраняющееся наличное бытие.

а лишь поскольку он расходуется; ибо он соответствует единству понятия лишь постольку, поскольку внешняя его сторона, т. е. его объективность, снимается в этом единстве. — Дом, часы могут казаться целями по отношению к орудиям их изготовления; но камни, балки или колесики, оси и т. д., составляющие действительность цели, выполняют эту цель лишь через давление, которое они испытывают, через химические процессы, которым они подвергаются под действием воздуха, света, воды, через трение и т. д. и от которых они избавляют человека. Следовательно, они выполняют свое назначение тем, что их употребляют и расходуют, и тому, чем они должны быть, они соответствуют лишь через свое отрицание. Они не соединены с целью положительно, потому что они имеют в самом себе [свое] самоопределение лишь внешним образом и суть лишь относительные цели или по существу своему лишь средства.

Эти цели, как было показано, имеют вообще ограниченное содержание; их форма — это бесконечное самоопределение понятия, ограничившего себя из-за этого содержания до внешней единичности. Ограниченнное содержание делает эти цели несоответствующими бесконечности понятия и неистинными; такая определенность подвержена становлению и изменению уже через сферу необходимости, через бытие, и она преходяща.

3. Тем самым получается в результате, что внешняя целесообразность, которая еще только имеет форму телеологии, достигает, собственно говоря, лишь средств, а не объективной цели, так как субъективная цель остается внешним, субъективным определением, или же, если цель деятельна и осуществляет себя (хотя бы только в средстве), она еще *непосредственно* связана с объективностью, погружена в нее; сама цель есть объект, и цель, можно сказать, постольку не достигает средства, поскольку ее осуществление необходимо еще до того, как она могла бы быть выполнена с помощью средства.

На самом же деле результат есть не только внешнее отношение цели, но и истина этого отношения — внутреннее отношение цели и объективная цель. Самостоятельная по отношению к понятию внешняя проявленность объекта, которую цель делает своей предпосылкой, положена в этой предпосылке как несущественная видимость и уже снята также сама по себе; поэтому деятель-

ность цели, собственно говоря, лишь выявляет эту видимость и снимает ее. — Как выяснилось через понятие, первый объект становится средством через передавание, так как в себе он целокупность понятия, и его определенность, которая есть не что иное, как сама внешняя проявленность, положена лишь *как* внешнее, несущественное и потому выступает в самой цели как ее собственный момент, а не как независимый от нее. В силу этого определение объекта — быть средством, есть совершенно непосредственное определение. Поэтому для того, чтобы сделать этот объект средством, субъективная цель не нуждается ни в каком насилии или другом утверждении своей силы в отношении объекта, кроме утверждения себя самой; *разрешение* (*Entschluss*), раскрытие (*Aufschluss*), это определение самого себя, есть *лишь* внешняя *положенность* объекта, который непосредственно подчинен здесь цели и не имеет по отношению к ней никакого другого определения, кроме ничтожности [своего] *в-себе-и-для-себя-бытия*.

Второе снятие объективности объективностью отличается от первого тем, что то снятие как первое есть цель в объективной *непосредственности*, второе же есть поэтому снятие не только первой непосредственности, но и обоих — и объективного как лишь положенного, и непосредственного. Отрицательность возвращается в самое себя таким образом, что она в такой же мере есть восстановление объективности, но как объективности, тождественной с ней, и в этом восстановлении она в то же время есть и полагание объективности как определенной лишь целью, как внешней объективности. Через последнее этот продукт остается, как прежде, также средством; через первое же он объективность, тождественная с понятием, реализованная цель, в которой реальность самой цели составляет то, что она средство. В осуществленной цели средство исчезает потому, что оно было бы объективностью, лишь непосредственно подведенной под цель, между тем как в реализованной цели эта объективность выступает как возвращение цели в самое себя; тем самым, далее, само опосредствование (оно есть некоторое отношение внешних моментов) также исчезает — отчасти в конкретном тождестве объективной цели, отчасти в нем же как в абстрактном тождестве и непосредственности наличного бытия.

Здесь содержится и опосредствование, которое требовалось для первой посылки — для непосредственного соотношения цели с объектом. Осуществленная цель есть также средство, и наоборот, истина средства заключается равным образом в том, что оно сама реальная цель, и первое снятие объективности есть уже и второе, точно так же как второе снятие оказалось содержащим и первое. А именно, понятие *определяет себя*; его определенность — это внешнее безразличие, которое непосредственно определено в разрешении как *снятое*, а именно как *внутреннее, субъективное* и в то же время как *объект*, выступающий в качестве *предпосылки*. Его дальнейшее выхождение за свои пределы, явившее себя именно как *непосредственный способ передачи* и как подведение под него выступающего в качестве предпосылки объекта, есть в то же время снятие указанной выше внутренней определенности внешнего, *заключенной в понятие*, т. е. положенной как снятая, и в то же время оно снятие положения объекта как предпосылки; тем самым это по видимости первое снятие безразличной объективности есть уже и второе, некоторая прошедшая через опосредствование рефлексия в себя и осуществленная цель.

Так как понятие здесь, в сфере объективности, где его определенность имеет форму *внешнего безразличия*, находится во взаимодействии с самим собой, то изображение его движения становится здесь вдвойне трудным и запутанным, потому что само это движение непосредственно двояко, и первое всегда есть также второе. В понятии самом по себе, т. е. в его субъективности, различие его от себя дано как сама по себе *непосредственная тождественная целокупность*; а так как его определенность есть здесь внешнее безразличие, то тождество в ней с самим собой есть в свою очередь столь же непосредственно и отталкивание от себя, так что то, что определено как внешнее ему и безразличное для него, есть скорее оно же само, а оно, как оно само, как рефлектированное в себя, есть скорее свое иное. Только не упсская этого из виду, можно понять объективное возвращение понятия в себя, т. е. его истинное объективирование, — можно понять, что каждый из отдельных моментов, через которые проходит это опосредствование, сам есть умозаключение, связывающее все эти моменты. Так изначальная *внутренняя внешность* понятия, в силу ко-

торой оно отталкивающее себя от себя единство, цель и ее стремление вовне — к объективированию, есть непосредственное полагание или предполагание внешнего объекта; *самоопределение* есть также определение *внешнего объекта* как определенного не понятием; и наоборот, это определение есть самоопределение, т. е. снятая внешность, *положенная как внутренняя*, иначе говоря, *уверенность в несущественности* внешнего объекта. — Что касается второго соотношения, определения объекта как средства, то было только что показано, как оно в самом себе есть опосредование цели с самой собой в объекте. — И точно так же третье, механизм, протекающий под властью цели и снимающий объект с помощью объекта, есть, с одной стороны, снятие средства, [т. е.] того объекта, который уже положен как снятый, и, стало быть, второе снятие и рефлексия-в-себя, а с другой стороны, первый акт определения внешнего объекта. Этот акт определения, как было отмечено, есть в осуществленной цели опять-таки продуцирование только некоторого средства: субъективность конечного понятия, презрительно отметая средство, не достигла в своей цели ничего лучшего. Но эта рефлексия, [сводящаяся к тому], что цель достигнута в средстве и что в осуществленной цели сохранились средство и опосредование, есть *последний результат внешнего отношения цели* — результат, в котором оно сняло само себя и который оно представило как свою истину. — Рассмотренное напоследок третье умозаключение отличается тем, что оно, во-первых, есть субъективная целенаправленная деятельность предыдущих умозаключений, но, [во-вторых], также снятие внешней объективности — и, значит, внешности вообще, — через *самое себя*, и тем самым оно в своей положенности целокупность.

Итак, после того как *субъективность, для-себя-бытие* понятия перешло, как мы видели, в его *в-себе-бытие, в объективность*, оказалось в дальнейшем, что в объективности вновь появилась отрицательность для-себя-бытия понятия; понятие определило себя в объективности так, что его *особенность* есть *внешняя объективность*, иначе говоря, оно определило себя как простое конкретное единство, внешняя проявленность которого есть его самоопределение. Движение цели достигло теперь того, что момент внешней проявленности не только положен

в понятии и понятие есть не только *должествование* и *стремление*, но как конкретная целокупность тождественно с непосредственной объективностью¹³⁰. Это тождество есть, с одной стороны, простое понятие и равным образом *непосредственная* объективность, но, с другой — оно столь же существенно есть *опосредствование*, и лишь через него как само себя снимающее опосредствование оно есть эта простая непосредственность; так понятие состоит по существу своему в том, чтобы как для-себя-сущее тождество быть отличным от своей *в-себе-сущей* объективности и тем самым внешне проявляться, но в этой внешней целокупности быть ее самоопределяющим тождеством. Как такое, понятие есть теперь *идея*.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ИДЕЯ¹³¹

Идея есть *адекватное понятие, объективно истинное или истинное, как таковое*. Если что-либо истинно, оно истинно через свою идею, иначе говоря, *нечто истинно, лишь поскольку оно идея*. — Выражение «идея» вообще часто употреблялось в философии, как и в обычной жизни, и для [обозначения] понятия и даже для [обозначения] простого представления: «У меня еще нет никакой идеи об этой тяжбе, об этом здании, об этой местности» — означает только, что у меня нет о них представления. Кант реабилитировал выражение «идея» как *понятие разума*. — Понятие же разума есть, согласно Канту, понятие о безусловном, а в отношении явлений оно *трансцендентно*, т. е. оно не может иметь *адекватного ему эмпирического применения*. Понятия разума, по Канту, служат для *понятийного постижения* (*Begreifen*), а понятия рассудка — для *понимания* (*Verstehen*) восприятий. — На самом же деле, если понятия рассудка действительно *понятия*, то они *понятия* (*Begriffe*) — посредством их постигают (*wird begriffen*), и *понимание* восприятий посредством понятий рассудка будет *постижением*. Если же понимание есть только акт определения восприятий посредством таких определений, как, например, целое и части, сила, причина и тому подобное, то оно означает лишь акт определения посредством рефлексии, так же как и под пониманием можно подразумевать всего лишь определенный акт *представления* совершенно определенного чувственного содержания; так, если, описывая человеку дорогу, говорят, что она в конце леса поворачивает на-

лево, и он, скажем, отвечает: «понимаю», то это «понимание» не означает ничего другого, кроме схватывания [сказанного] представлением и памятью. — «Понятие разума» тоже несколько нескладное выражение; ведь понятие — это вообще нечто относящееся к разуму; а поскольку разум отличают от рассудка и от понятия, как такового, он целокупность понятия и объективности. — В этом смысле идея есть *то, чтб разумно*; она необусловленное потому, что лишь то имеет условия, что существенно соотносится с объективностью, но не с такой объективностью, которая определена им самим, а с такой, которая еще проявляется внешне и безразлично к нему, как это еще имело место во внешней цели.

Так как выражение «идея» сохраняется для [обозначения] объективного или реального понятия и его отличают от самого понятия, а тем более от простого представления, то следует, далее, еще в большей мере отвергнуть ту оценку идеи, согласно которой ее принимают за нечто лишь недействительное, и об истинных мыслях говорят, что они только идеи. Если мысли суть нечто чисто субъективное и случайное, то они, разумеется, не имеют никакой иной ценности, но в этом отношении они стоят не ниже преходящих и случайных действительностей (*Wirklichkeiten*), которые равным образом не имеют никакой другой ценности, кроме ценности случайностей и явлений. Если же полагают, что идея, наоборот, не имеет ценности истины потому, что она в отношении явлений трансцендентна, что в чувственном мире ей не может быть дан совпадающий с ней предмет¹³², то это — странное недоразумение, ибо идеи отказывают в объективной значимости потому, что ей недостает-де того, что составляет явление, *неистинное бытие* объективного мира. В отношении практических идей Кант признает, что «нет ничего более вредного и менее достойного философа, чем невежественные ссылки на мнимо противоречий идеи опыта. Самого опыта вовсе не было бы, если бы, например, государственные учреждения были созданы в свое время согласно идеям и если бы вместо них грубые понятия не сделали тщетными все благие намерения именно потому, что они были заимствованы из опыта»¹³³. Кант считает идею чем-то необходимым, целью, которую следует ставить себе как *прообраз* для некоего максимума, стремясь

как можно больше приблизить к ней состояние действительности.

Но так как выяснилось, что идея есть единство понятия и объективности, [т. е.] истинное, то ее следует рассматривать не только как цель, к которой надлежит приближаться, но которая сама всегда остается чем-то *погусторонним*, а так, что все действительное есть лишь постольку оно имеет внутри себя идею и выражает ее. Предмет, объективный и субъективный мир не только должны вообще совпадать с идеей, но сами суть совпадение понятия и реальности; реальность, не соответствующая понятию, есть просто явление, нечто субъективное, случайное, произвольное, что не есть истина. Когда говорят, что в опыте нет ни одного предмета, который всецело совпадал бы с идеей¹³⁴, то идея противопоставляется действительному как некое субъективное мерило. Но чем поистине должно было бы быть нечто действительное, если в нем нет его понятия и его объективность вовсе не соответствует этому понятию,— этого никто не скажет, ибо такое действительное было бы ничего. Механический и химический объект, равно как и субъект, лишенный духа, и дух, сознающий лишь конечное, а не свою сущность, имеют, правда, в самих себе — каждый сообразно своей природе — свое понятие существующим не в *своей собственной свободной форме*. Но они вообще могут быть чем-то истинным, лишь поскольку они суть соединение их понятия и реальности, их души и их тела. Такие целостности, как государство, церковь, перестают существовать, когда разрушается единство их понятия и их реальности; человек (и живое вообще) мертв, когда в нем отделяются друг от друга душа и тело. Мертвая природа — механический и химический мир (если под мертвым понимают именно неорганический мир, иначе оно не имело бы никакого положительного значения), мертвая природа, если ее разделяют на ее понятие и ее реальность, есть не более как субъективная абстракция мыслимой формы и бесформенной материи. Дух, который не был бы идеей, единством самого понятия с собой, понятием, имеющим своей реальностью само понятие, был бы мертвым духом, лишенным духа, материальным объектом.

Бытие достигло значения истины, поскольку идея есть единство понятия и реальности; бытием обладает теперь,

следовательно, лишь то, что есть идея. Поэтому конечные вещи конечны, поскольку они в самих себе имеют реальность своего понятия не полностью, а нуждаются для этого в других, — или, наоборот, поскольку они предполагаются как объекты и тем самым имеют в самих себе понятие как внешнее определение. Самое высшее, чего они достигают со стороны этой конечности, — это внешняя целесообразность. В том, что действительные вещи не совпадают с идеей, выражается их *конечность, неистинность*, в соответствии с чем *объекты* определены механически, химически или внешней целью каждого собственно своей сфере и в присущих объективности отношениях. Возможность того, что идея не вполне выработала свою реальность, не полностью подчинила ее понятию, основывается на том, что у нее самой *ограниченное содержание*, что так же как она по существу своему есть единство понятия и реальности, точно так же она по существу своему и их различие; ведь только объект есть непосредственное, т. е. лишь *в-себе-сущее*, единство. А если бы какой-нибудь предмет, например государство, *вовсе не соответствовал* своей идеи, т. е., вернее, если бы оно *вовсе не было* идеей государства, если бы его реальность — наделенные самосознанием индивиды — совершенно не соответствовала понятию, то это означало бы, что отделились друг от друга душа и его тело; душа отлетела бы в отдаленные сферы мысли, а тело распалось бы на отдельные индивидуальности. Но, составляя по существу своему их природу, понятие государства есть в них столь могущественный импульс, что они вынуждены придавать ему реальность (хотя бы лишь в форме внешней целесообразности) и принимать его таким, какое оно есть, иначе они должны были бы погибнуть. Самое плохое государство, реальность которого менее всего соответствует понятию, поскольку оно еще существует, все еще есть идея; индивиды еще повинуются властующему понятию.

Но идея имеет не только более общий смысл *истинного бытия, единства понятия и реальности*, но и более определенный смысл единства *субъективного понятия и объективности*. Ведь понятие, как таковое, само уже есть тождество себя и реальности; ибо неопределенное выражение «реальность» не означает вообще ничего другого, кроме *определенного бытия*; а таким бытием понятие обладает

в своей особенности и единичности. Далее, *объективность* равным образом есть целокупное понятие, перешедшее из своей определенности в тождество и слившееся с самим собой. В указанной выше субъективности определенность или различие понятия есть *видимость*, которая непосредственно снята и возвращена в для-себя-бытие или в отрицательное единство, есть *приписываемый* предикат. А в этой объективности определенность положена как непосредственная целокупность, как внешнее целое. Идея теперь оказалась понятием, снова освободившимся от непосредственности, в которую оно было погружено в объекте, освободившимся, чтобы обрести свою субъективность, и отличающим себя от своей объективности, которая, однако, в равной мере определяется этим понятием и лишь в нем имеет свою субстанциальность. Это тождество было поэтому правильно определено как *субъект-объект*¹³⁵; оно столь же формальное или субъективное понятие, сколь и объект, как таковой. Но это следует понять более определенно. Понятие, достигнув поистине своей реальности, есть абсолютное суждение, *субъект* которого как соотносящееся с собой отрицательное единство отличает себя от своей объективности и есть ее в-себе-и-для-себя-бытие, но по существу своему соотносится с ней через само себя и есть поэтому *самоцель* и *импульс*; именно в силу этого субъект не имеет объективности непосредственно в самом себе; иначе субъект был бы лишь утраченной в ней целокупностью объекта, как такового; нет, его объективность есть реализация цели, объективность, которая *положена* деятельностью цели и как *положенность* имеет свою устойчивость и свою форму лишь как проникнутые ее субъектом. Как объективность она имеет в самой себе момент *внешности* понятия и есть поэтому вообще сторона конечности, изменчивости и являемости (*Erscheinung*), исчезающая оттого, что возвращается в отрицательное единство понятия; отрицательность, в силу которой ее безразличная внеположность обнаруживает себя чем-то несущественным и положенностью, есть само понятие. Поэтому идея, несмотря на эту объективность, совершенно *проста и имматериальна*, ибо внешняя сторона дела лишь определена понятием и принята в его отрицательное единство; поскольку идея существует как безразличная внешняя сторона дела, она не только вообще подвержена механизму, но имеется

лишь как преходящее и неистинное. — Следовательно, хотя идея имеет свою реальность в той или иной материальности (*Materiatur*), однако последняя не абстрактное, противоположное понятию *бытие* для себя, а выступает только как *становление*, через отрицательность безразличного бытия, как простая определенность понятия.

Отсюда вытекают следующие более точные определения идеи. — Она, *во-первых*, простая истина, тождество понятия и объективности как *всеобщее*, в котором отношение противоположности и устойчивость особенного разрешены в его тождественную с собой отрицательность и выступают как равенство с самим собой. *Во-вторых*, идея есть *соотношение для-себя-сущей* субъективности простого понятия и его *отличенной* от нее объективности: субъективность эта есть по существу своему *импульс* к снятию этого разделения, а объективность — безразличная положенность, нечто само по себе маловажное. В качестве этого соотношения идея есть *процесс*, в котором она расщепляется на индивидуальность и на ее неорганическую природу, вновь приводит эту неорганическую природу под власть субъекта и возвращается к первой простой всеобщности. Тождество идеи с самой собой составляет одно с *процессом*; мысль, освобождающая действительность от видимости бесцельной изменчивости и преображающая ее в *идею*, не должна представлять эту истину действительности как мертвый покой, как простой *образ*, тусклый, без импульса и движения, как гения, или числа¹³⁶, или абстрактную мысль; идея, ввиду свободы, которой понятие достигает в ней, имеет внутри себя и *самую острую противоположность*; ее покой состоит в твердости и уверенности, с которыми она вечно порождает эту противоположность и вечно ее преодолевает и в ней сливаются с самой собой¹³⁷.

Однако вначале идея опять-таки еще только *непосредственна*, иначе говоря, находится лишь в своем *понятии*; объективная реальность, правда, соответствует понятию, но еще не освобождена как понятие, и понятие не существует *для себя как понятие*. Таким образом, понятие, правда, есть *душа*, но душа в виде чего-то *непосредственного*, т. е. ее определенность еще не есть она сама; она не постигла себя как душу, не постигла внутри самой

себя своей объективной реальности; понятие дано как душа, еще не исполненная души.

Таким образом, идея есть, *во-первых*, *жизнь* — понятие, которое, отличенное от своей объективности, простое внутри себя, проникает свою объективность и как сама цель имеет в ней свое средство и полагает ее как свое средство, но имманентно в этом средстве и есть в нем реализованная, тождественная с собой цель. Ввиду своей непосредственности эта идея имеет формой своего существования *единичность*. Но рефлексия ее абсолютного процесса в самого себя есть снятие этой непосредственной единичности; тем самым понятие, которое как всеобщность есть в ней *внутреннее*, делает внешнее всеобщностью, иначе говоря, полагает свою объективность как равенство с самим собой. Таким образом, идея есть,

во-вторых, идея *истинного* и *благого* как *познание* и *воля*. Вначале она конечное познание и конечная воля, в которых истинное и благое еще отличаются друг от друга и оба выступают еще только как *цель*. Понятие вначале освободило себя в качестве *самого себя* и дало себе в реальность еще только *абстрактную объективность*. Но процесс этого конечного познания и действования превращает вначале абстрактную всеобщность в целокупность, благодаря чему она становится *совершенной объективностью*. — Или, если рассматривать это с другой стороны, можно сказать, что конечный, т. е. субъективный, дух *создает себе предпосылку* некоторого объективного мира, подобно тому как *жизнь имеет* такую предпосылку; но деятельность духа заключается в том, чтобы снять эту предпосылку и сделать ее чем-то положенным. Таким образом реальность духа есть для него объективный мир, или, наоборот, объективный мир есть идеальность, в которой дух познает сам себя.

В-третьих, дух познает идею как свою *абсолютную истину*, как истину, сущую в себе и для себя, — бесконечную идею, в которой процесс познания и действование уравнялись друг с другом и которая есть *абсолютное знание о самой себе*.